

**«Я пришел дать вам волю»
по мотивам романа Василия Шукшина
(инсценировка Я.Глембоцкой)**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Степан Разин, атаман

Есаулы:

Иван Черноярец

Лазарь Тимофеев

Фрол Минаев

Федор Сукнин

Стырь, старый казак

Васька Ус, атаман

Корней Яковлев, войсковой атаман, крестный Разина

Матвей Иванов, из мужиков

Матрена, крестная Разина

Алена, жена

Иван Семенович Прозоровский, астраханский воевода

Семен Иваныч Львов, товарищ воеводы

Семка Резаный, скоморох

Царь Алексей Михайлович

Иосиф, митрополит астраханский

Бутурлин, окольничий

Ярыга, человек астраханского воеводы

Скоморохи

Эпизодические роли:

Прасковья Федоровна, жена Прозоровского

Персидская княжна

Подьячий

Дьяк

Караульный

Татарчонок-скоморох

Кзаки

МОНОЛОГИ «ОТ АВТОРА» составлены из текстов В. Шукшина: заявки на литературный сценарий «Конец Разина» (1966), публикаций, интервью и писем (1969 — 1974), заявки на постановку фильма о Разине (1974) и романа «Я пришел дать вам волю».

АКТ 1.

СЦЕНА 1. «Царская грамота»

Палаты московского Кремля. Царь Алексей Михайлович и окольный Бутурлин.

ОКОЛЬНИЧИЙ. «...Разорил татарские учуги, пленил торговые суда, ограбил города персидские и, произведя везде ужасные злодеяния, губил беспомощно мирных жителей. И побил персидский флот. И теперь пошел к Волге...»

ЦАРЬ. Совсем стыд потерял, злодей!.. Откуда пишут?

ОКОЛЬНИЧИЙ. Из Астрахани, милосердный государь Алексей Михайлович.

ЦАРЬ. Писать в Астрахань, воеводе астраханскому... князю Ивану Семеновичу Прозоровскому...: Остановить! Оружье, припас, грабленное — все отнять! Воров расспросить, выговорить им вины ихние и раздать всех по стрелецким приказам! Собаки беспокойные!.. Они уж в охотку вошли — грабют и грабют!

ОКОЛЬНИЧИЙ. Государь, мы в прошлом годе писали в Астрахань «прощальную» Стеньке... Так нет там того, чтоб окружить их да побить, как собак... В грамоте писано: «Царь вам вины ваши отдает — идите»...

ЦАРЬ. Куда это «идите»?!.. Ту грамоту изодрать! Год назад писана... У разбойников струги ломаются от добра всякого, а на руках «прощальная» грамота?! Грех и глупость не наказать разбойника!

ОКОЛЬНИЧИЙ. Воля нам дана от тебя, великий государь. Таких разбойников надо иметь и изводить... Да вот незадача: оный Стенька, хоть лихой и пакостный, но в сих местах — свой, и среди лихих людей, и среди иных верноподданных. Чтоб было все ведомо тебе и не во гнев, государь, то молвлю...

ЦАРЬ. Ну.

ОКОЛЬНИЧИЙ. Темен твой народ, великий государь! И особо зол на бояр, как сам знаешь. А Стенька атаман в письмах своим к мужикам да к татарам в изменах винит лишь изменников бояр, и никак не на царя хулу наводит. Как другие воры самозванцем не назвался, не объявил себя близким к «царскому кореню».

ЦАРЬ. Так оно и к лучшему. Так ли, боярин?

ОКОЛЬНИЧИЙ. Оно так и не так, государь! Человек есть существо, палимое страстями, жгущими плоть, и желаниями — осязанием телес, обонянием яств... Да вот, человек этот, ждет не дождется Мессию, с неба спешшего.

ЦАРЬ. Царь есть Бог земной, ему поклоняйтесь, помня о царе небесном, его бойтесь, — он волен в головах и животах ваших! Кто против государя-царя, помазанника божия, тот против Бога!

ОКОЛЬНИЧИЙ. Оно, конечно, так, государь. Да вот в Стенькиных «прелестных письмах» как раз все по-иному (*показывает грамоту.*)

ЦАРЬ. Ну.

ОКОЛЬНИЧИЙ. «За дело, братцы! Ныне отомстите тем, которые до сих пор держали вас в неволе хуже, чем турки да язычники...»

ЦАРЬ. Чти далее.

ОКОЛЬНИЧИЙ. «...Я пришел дать всем вам волю и избавление, вы будете моими братьями и детьми, и вам будет так хорошо, как и мне, оставайтесь только верны мне». Ведомо ли великому государю, что в Астрахани князь Львов Семен Иванович принял Стеньку в названные сыновья и по обычаю православному подарил ему образ девы Марии в золотом окладе? И что еще надеется сильно Стенька на помощь казаков запорожских?

ЦАРЬ. Ах, злодей!.. Кто с воров Стенькой Разиным теперь свяжется, над тем суд и расправа будет! Князь ты, казак ли, есаул ли или татарин! Ну а что до Украины, так оттуда ему помощи сроду не дожждаться, там малороссы своими играми заняты. С Речью Посполитой.

ОКОЛЬНИЧИЙ. Черты души царевой есть милосердие и человеколюбие. Но истинно, великий государь, не во благо нам это теперь. Топор, государь, надо нынче Руси — губить всякого, кто на державных людей ропщет и крамольные речи говорит. Пускай великий государь, твой над ними суд и расправа будет.

ЦАРЬ. Говоришь, кровь лить, не жалея? То похвально! Слова твои — что сон в руку. Пиши! ... Великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец и многих государств и земель восточных и западных и северных обладатель... Стой... Сил моих нету.

(Царь вскакивает с места и начинает метаться по комнате)

Что же такое делается-то! Успеть надо, чтоб Стенька на Дон не уволокся. Чай, нагулялся уж Стенька?! Пора и остановить молодца! Успеть надо!.. Он эдак мне весь мир перебаламутит! Государевой милостью он, вишь, недоволен! Не пускать пакостника на Дон!.. Не пускать!

ОКОЛЬНИЧИЙ. Дозволь, великий государь и великий князь, мне удалиться?

ЦАРЬ. Поди, поди, боярин!.. После запишешь, после... Вот ведь бунтовщик проклятый!..

СЦЕНА 2. «Разинские послы»

ОТ «АВТОРА»: Написано о Разине много: удалец, душа вольницы, заступник и предводитель голытьбы, гроза бояр, воевод и дворянства.

Сжигаемый одной страстью «тряхнуть Москву», он шел на все: таскал за собой в расписных стругах «царевича Алексея Алексеевича» и «патриарха Никона»... (на самом деле один в это время покоился в земле, другой был далеко в изгнании). Ему нужна была сила, он собирал ее, поднимал и вел.

Стихия бунта на Руси в XVII никого не удивляла. Удивляет «удачливость» Разина, столь долго ему не изменявшая.

Приказная палата в астраханском Кремле. Воевода Иван Прозоровский, товарищ воеводы князь Семен Львов, митрополит Иосиф, подьячий.

ЛЬВОВ. Дело наше малое, князь. У нас царева грамота: спровадим их, и все на том.

ВОЕВОДА. Грамота-то, она грамота... Разве ж в ней дело-то? Начнут они, воры, дорогой что хотят творить — где была та грамота! А с нас потом спрос: куда глядели? Потом хоть лоб расшиби — не докажешь. Дума моя такая: отправить их на Дон безоружных. Перепись им учинить, припас весь отобрать...

МИТРОПОЛИТ. Эх, воевода! Размахался ты — все побрать! Не знаешь ты их, и не приведи господи! Разбойники! Анчихристы!.. Они весь город раскатают по бревнышку.

ВОЕВОДА. Да ведь и мы не с голыми руками!

ЛЬВОВ. Нет, князь, на стрельцов надежда плоха. Шатнутся. А пушки бы и струги, если б отдали, — большое дело. Пускай вон на Дону друг другу глотки режут — не наша забота. И спрос не с нас.

МИТРОПОЛИТ. К вере, к вере их, лиходеев, привесь! По книге. В храме господнем. И пускай отдадут, что у меня отобрали. Я государю отписал, какой они мне разор учинили...

Входит подьячий.

ПОДЪЯЧИЙ. От казаков посыльщики прибыли. Два есаулами сказались, один казак.

ВОЕВОДА. Веди. ...Ну-ка... построже с ими будем.

Входят Иван Черноярец, Фрол Минаев, Стырь. Кланяются рядовым поклоном.

ЧЕРНОЯРЕЦ. От войскового атамана от Степана Тимофеича от Разина: есаулы Ивашка и Фрол да казак донской Стырь...

ВОЕВОДА. Я такого у вас войскового атамана не знаю. Корнея Яковлева знаю.

СТЫРЬ. Корней — то не наш атаман, у нас свой — Степан Тимофеич.

ВОЕВОДА. С каких это пор на Дону два войска завелось?

СТЫРЬ. Ты рази ничего не слыхал?!

ВОЕВОДА. С чем пришли?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Кланяется тебе, воевода, батька наш, Степан Тимофеич, даров сулится прислать...

ВОЕВОДА. Ну?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Велел передать: завтра сам будет.

ВОЕВОДА. А чего ж не сегодня?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Сегодня?.. Сегодня мы пришли уговор чинить: как астраханцы встретят его.

ВОЕВОДА. Как же он хочет, чтоб его встретили?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Прапоры чтоб выкинули, пушки с раскатов стреляли...

СТЫРЬ (*митрополиту*). Ишо вот, надо б молебен отслужить, отче...

МИТРОПОЛИТ. Бешеный пес тебе отче! Гнать их, лихоимцев, гадов смердящих! Нечестивцы, чего удумали молебен служить!.. Это Стенька с молебном вас надоумил? Я прокляню его!..

ВОЕВОДА. Да они пьяные!

СТЫРЬ. Молебен все войско хочет. Мы — христиане.

ВОЕВОДА. Вот что. Идите вы в войско и скажите своему атаману: завтра пусть здесь будет. И скажите, чтоб он дурость никакую не затевал.

СЦЕНА 3. «Дурость»

ОТ «АВТОРА»: Разин — национальный герой, но об этом, как ни странно, надо «забыть». Надо освободиться от «колдовского» щемящего взора его, который страшит и манит через века. Надо по возможности суметь «отнять» у него прекрасные легенды и оставить лишь человека. Человека, в котором поражает его безудержная, почти болезненная ненависть к тем, кто обижал беззащитного.. Он не щадил врагов и предателей, но он и ласков был, когда надо было.

Жалеть... Нужно жалеть или не нужно жалеть — так ставят вопрос фальшивые люди. Ты еще найди силы жалеть. Слабый, но притворный выдумывает, что надо уважать. А жалеть и значит уважать, но еще больше.

Лагерь разинцев под Астраханью. Есаул Федор Сукнин, Стырь, Матвей Иванов, казаки.

СУКНИН. Дума твоя, Степан Тимофеич, дюже верная, отмотаться надо сперва от этих... от флотилии астраханской. Потом уж можно и к царю сходить, покаяться. Ермак вон ходил...

РАЗИН. Ермак не ходил. Ходил Ивашка Кольцов.

СУКНИН. От него же ходил!

РАЗИН. От него, да не сам. Нам царя тешить нечем. И бегать к ему каждый раз за милостью — тоже не велика радость. Мы с царем пока не цапались — зачем ему? С Украйной у их нонче плохие дела. Царь повыше нас сидит — на престоле, тоже неплохо видит, — не дурак, правда что...

СУКНИН. Но ты же сам сказал даве...

РАЗИН. Я сказал!.. А ты, Федор, лоб разлысил: готовый на карачках до Москвы ийтить! На!.. Отнеси заодно мою пистоль! *(Вырывает из-за пояса пистоль, бросает в лицо Федору.)* Бери Стеньку голой рукой! Казаки им будут сапоги лизать!

СУКНИН. Батька, чего ты взъелся на меня? Я хотел...

РАЗИН. Ты вот, Матвей, на царя войной зовешь...

МАТВЕЙ. Кого я на царя зову?!

РАЗИН. А ведь он крутенок, царь-то. Он вон лет пять назад сразу десять тыщ положил... москалей своих. Да потом ишо две тыщи колесовал и повесил. Малолеткам уши резал...

МАТВЕЙ. Не всем. Поменьше которым — только по одному уху срезал. Зачем же напраслину возводишь?

РАЗИН. Ну, на то и милость царская! А ты на царя зовешь... Зове-ешь, не отпирайся. А война — дело худое, Матвей. Зачем же нас на грех толкаешь? Замордовали? Так царя попросить можно. Тоже, додумался! Вот и пойдем просить. Скажем: бояры твои вконец замордовали мужика. Заступись. Хошь, Матвей, поглядеть, как мы просить будем?

МАТВЕЙ. Как это?

РАЗИН. А так. Я просить буду, а Стырь вон — царя из себя скорчит. Он умеет. Стырь!.. Валяй на престол, а я приду с Дона просить тебя. Пускай все глядят.

РАЗИН. Выпьем на дорожку! Пойдем царя-батюшку просить. Вольности Дону пойдем просить... какие раньше были.

МАТВЕЙ. С мужика начали, а вольности — Дону пойдем просить. Как же так?

РАЗИН. А вы — поглядите на нас, поприкиньте сперва... Потом уж — если охотка не пройдет — сами пришлепаете.

Стырь, скрестив по-татарски ноги и подбоченясь, усаживается на импровизированном «престоле», устеленный коврами и уставленный кувшинами с вином.

СТЫРЬ. Казаков не видать?

СУКНИН. Нет пока.

СТЫРЬ. Чего они?.. Чухаются там! Пьют небось, кобели.

Входит Разин с группой казаков.

СТЫРЬ. Никак с Дону?

РАЗИН. Не прыгай! Он же — великий князь всея, всея... А ты прыгаешь, как блоха. ...Пришли мы к тебе, царь-батюшка, жалиться на бояр твоих, лиходеев! И просить тебя, оставь вольности Дону! До тебя были вольности! А ты отбираешь!..

СТЫРЬ. Сивухи хошь? С дороги-то...

РАЗИН. Я воли прошу, а не сивухи!

СТЫРЬ. Какой тебе воли?! А хрен в зубы не надо? Воли он захотел!..

РАЗИН. Дай сказать-то! Да на меня гляди-то, на меня. Что ты, как коза брянская, все вверх смотришь? На меня!

СТЫРЬ. Ну.

РАЗИН. Не помыкай нами, как собаками. Тюрем, вон, понастроил, курва! Как чуть чего — так в тюрьму!

СТЫРЬ. Как ты сказал? Курва?

Разин падает на колени.

РАЗИН. Прости, князь великий! Вылетело...

СТЫРЬ. Срежу язык-то! Вылетело. Какие ишо жалобы на бояров?

МАТВЕЙ. Пошто на одном месте пригвоздить хочешь мужика? Не вели мужиков имать да вертать с Дону опять к помещникам!

СТЫРЬ. Плетей!

«Приближенные царя» хватают Матвея и пару раз всерьез бьют плетью.

СТЫРЬ. Какие жалобы, казак?

РАЗИН. Пошто — войне быть на Дону или миру — мы не вольны сами решить? Нас на войну шлешь!.. Сам затеваешь, а нас шлешь! Мы не слуги тебе! Не стрельцы!.. Курва ты великая, а не князь великий!

СТЫРЬ. Плетей!

«Приближенные» бросаются к Разину.

СТЫРЬ. Стой! А прокачусь-ка я на ем. На Дону, говорят, жеребцы славные — спробую.

Степан смиренно опускается на четвереньки.

СТЫРЬ. Седло! А то я ишо свою царскую... собью...

На Разина накидывают седло. Стырь садится на него верхом.

СТЫРЬ. Ну-ка, прокати царя!..

РАЗИН. Куда, великий? Куда, князь всея, всея?..

СТЫРЬ. За волей... Где она? Я сам не знаю...

Разин громко ржет.

СТЫРЬ. Э-эх! За волей казакам поехали! Их-ха! *(поет.)*

Ох, матушка, не могу,
Родимая, не могу...
Сял комарик на ногу,
на ногу, ногу, ногу!

Ой, ноженьку отдал,
Ой, ноженьку отдал,
Отдал, отдал,
Отдал, давил, давил...

Подай, мати, косаря,
Подай, мати, косаря,
Косаря, косаря,
Косаря, саря, саря!

Рубить, ка'знить комара,
Рубить, ка'знить комара,
Комара, комара,
Комара, мара, мара!

Отлетела голова,
Отлетела голова,
Голова, голова,
Голова, лова, лова!..

Ну, как воля, казак? Узнал волю?

РАЗИН. Нет ишо. Слазь.

СТЫРЬ. Я ишо хочу...

РАЗИН. Слазь!

Стырь слазит. Разин опять падает на колени.

РАЗИН. Спасибо, царь-государь, теперь узнали мы до конца твою волю. Спасибо!
Спасибо! Спасибо! *(трижды бьет лбом об землю)*. Теперь отпусти нас на Дон —
погуляем мы за твою волюшку.

СТЫРЬ. Отпускаю. Меня возьмите с собой на Дон — я тоже погуляю с вами!

РАЗИН. Шиш! Гуляй, братцы! Царь показал, какая будет его воля! Запивай ее, чтоб с души не воротило!.. Добрая ли сивуха?

КАЗАКИ. Ох, добрая, батька!

РАЗИН. Наливай!

Выходят скоморохи.

СКОМОРОХИ.

Ох,
Бедный еж!
Горемышный еж!
Ты куда ползешь?
Куда ежисся?

Ох,
Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
К высокому терему...

Ох,
Бедный еж!
Горемышный еж!
Ты куда ползешь?
Куда ежисся?

Все выпивают. Пауза. Разин утирает усы, вдруг резко встает, срывает с головы шапку и ударяет ею об землю.

РАЗИН. Вали!

Все начинают плясать, образуя большущий круг. В середине круга — атаман. В круг волокут пленных, они должны плясать под казачью музыку с казаками вперемешку. У толстого персидского купца никак не получается вприсядку. Два казака хватают его за руки, сажают на землю и рывком поднимают.

КАЗАКИ. Оп-па! Геть! Оп-па! Геть! Ах, гарно танцует, собачий сын!.. Ты глянь, ты глянь, что выделывает!..

Среди танцующих — прекрасная княжна.

РАЗИН. Дюжей! Жги, персиянка! Чтоб земля чесалась...

Все пляшут. Разин незаметно уходит. Его догоняет персиянка.

РАЗИН (*не оборачиваясь*). Ну? Наплясалась, дочка шахская?

Персиянка что-то торопливо говорит, негромко, просительным нежным голоском.

Что, шибко скорбишь, девка, по родине? Спустить тебя надо бы на волю, не приручишь к клетке вольную-то птицу. Что, не понимаешь?.. Да все-то ты понимаешь, дуреха.

Княжна осторожно притрагивается к Разину.

Ну? Куда ты меня зовешь, красавица? Не пойду я с тобой, милая. У нас с тобой пути-дороги разные.

Напеваает вполголоса:

Ой да, мы тебе-то, да вот, красная девочка,
Да напоим тебе, накормим.
Ой да, ну, да ну, красная девочка,
И с собою спать тебе положим...

Вот и возьми что с тебя... Грех. Тебе бы в куклы еще играть, дурехе малой. У вас бабы к стыду больше наших приучены. Отдам я тебя, хватит. Без выкупа отдам.

Княжна жметя к Разину.

Никак, озябла? Эх, котенок заморский... (*гладит княжну по голове.*) Иди спать. А то и правда, свежо у воды-то. (*Ласково разворачивает княжну за плечо, легко подталкивает.*) Иди, иди. Иди.

Княжна убегает.

Не по пути нам с ней. Мое дело до Москвы людей довести, а ей там какого рожна искать... Оттуда, вон, мужики здоровенные бегут со всех ног, от греха подальше...

Разин рассуждает вслух.

Ведь взялась же откуда-то да выросла на нашей земле эта сила, большая да темная... Это притом не воеводы, не князья, не старик митрополит — это совсем что-то зловещее, — не царь даже... Эти-то все люди, чего ж людей так бояться?.. А вот от чего бегут мужики новгородские, псковские? Ведь они, мужики, и сами тоже не могут понять, что это за сила такая, могучая да злая...

Пока есть там эта сила, тут нам покоя не будет. Мне-то проще говорить, что, мол, бояре виновны во всем, это и казакам, и мужикам понятно. Да бояре ли? — Тут как-то не совсем и бояре... Какого боярина я ненавижу такой злой ненавистью? Ну, Долгорукого зашиб бы при случае, так от этого не пришел бы мне покой, нет. Они, собаки, ясное дело, стыд потеряли, но не они, не они та сила. А сила та, что мужики никак не могут понять и назвать словом, называется го-су-дар-ство.

Неподалеку раздается шум и женский крик. Разин выхватывает саблю. Входит есаул Иван Черноярца.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Там чего-то... Не разберешь... Кого-то, однако, прищучили. Вроде бабенку... Вон, кто-то со струга в воду прыгнул...

Появляется казак вместе с плачущей персиянкой, она придерживает рукой разорванную на груди одежду.

РАЗИН. Кто?!

ЧЕРНОЯРЕЦ (*незаметно пряча за пазуху пистоль*). А дьявол его знает... темно.

РАЗИН. Дай пистоль, — сказал Степан.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Нету.

Степан начинает рвать с себя рубаху.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Ты что, сдурел? Он уж у берега почти... Там его до второго Христа искать будешь.

РАЗИН. Фролка! Вот кто. То-то он все вокруг вился.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Минаев? Господь с тобой, Степан!.. Да ты что?

РАЗИН. Караульный! Ну-ка... как тебя? Дуй до есаула Фрола Минаева. Позови суда. Скорей!

Княжна трогает Черноярца за плечо.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Иди отсюда! Змея черная... Потеряли теперь есаула. Какую дурь спорол бабский угодник!

РАЗИН. На дне морском найду, гада. Живому ему не быть.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Может, она его сама сблзнила. Чего горячку-то пороть?

РАЗИН. Я видел, как он на нее смотрит.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Прокидаемся так есаулами.

РАЗИН. Срублю Фрола! Сказал: срублю — срублю! Не встречай.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Руби! А то у нас их шибко много, есаулов, девать некуда! Руби всех подряд, кто на нее глянет! И я глядел — у меня тоже глаза во лбу.

РАЗИН. Не наводи на грех, Иван. Добром говорю...

ЧЕРНОЯРЕЦ. Черт бешеный.

Вбегает караульный.

РАЗИН. Ну?

КАРАУЛЬНЫЙ. Нету Фрола.

СЦЕНА 4. «Это вам не Ермак»

Домашняя церковь астраханского митрополита. Перед небольшим алтарем — длинный стол, за ним восседают: воевода Иван Прозоровский, князь Семен Львов, дьяк, подьячий, митрополит, есаулы, приказные.

МИТРОПОЛИТ. Знамо, он — подлец отпетый... Но все же... крестили же его! Тут, в домашней церковке, мы злодея пройдем еще и страхом божьим!

Входит Разин и казаки.

РАЗИН. Э!.. Это я в Соловцах видал: вот точно так же на большой иконе рисовано. Кто же из вас Исус-то?

МИТРОПОЛИТ. Сперва лоб перекрестить надо, оголтеи! Не в конюшню зашли!

Разин и казаки за ним крестятся на распятие.

РАЗИН. Так: это дело сделали. Теперь...

ВОЕВОДА. Всю ватагу привел?! Был тебе мой указ: не шляться казакам в город! Был или нет?

РАЗИН. Не шуми, воевода! Ты боярин знатный, а все не выше царя. В его милостивой грамоте не сказано, чтоб нам в город не шляться. Никакого дурна мы тут не учинили, чего ты горло дерешь?

МИТРОПОЛИТ. Кто стрельцов побил? Кто посады пограбил, учуги разорил?.. «Никакого дурна»!

РАЗИН. Был грех, за то приносим вины наши государю. Вот вам бунчук мой кладу, символ власти своей. А вот дары наши малые. *(Раскладывает на столе листы.)* Списки — кому чего. Просим покорно принять их. И просим отпустить нас на Дон.

Князь Львов делает знак приказным; один уходит и приносит атаману табурет. Степан пинает табурет ногой.

РАЗИН. Спаси бог! Нам надо на коленках стоять перед такими знатными господарями, а ты табурет приволок, дура. Постою, ноги не отвалются. Вот что скажу вам, бояре... Двадцать две пушки вам отдадим, самые большие. А нам остается двадцать.

ВОЕВОДА. Для чего они вам, пушки эти?! Если вы на мир да на покой идете — для чего они вам?!

РАЗИН. Э, князь!.. Видать, не гулял ты на приволье. А — крымцы, а татарва? Мало ли! Найдутся и на нас лихие люди.

ВОЕВОДА. Хитришь, атаман. Эти двадцать две, они тяжелые: тебе их везти неохота, ты и отдаешь...

РАЗИН. Не хотите — не надо, мы довезем как-нибудь. Не пойму вас, бояре: то подвох от нас чуete, а отдаешь вам пушки — не берете... А теперь — не обессудь, воевода: мы пошли гулять. Я с утра не давал казакам, теперь самая пора: глотки повысыхали, окатить надо. Пушки свезем, струги приведем...

ВОЕВОДА. А княжна шахская где?..

РАЗИН. Княжны... нету. Ушла.

ВОЕВОДА. Как ушла? Куда ушла?

РАЗИН. Не знаю. Далеко.

Разин поднимается и выходит из палаты, не оглянувшись, следом за ним казаки.

ВОЕВОДА. Как так? Что он?..

ЛЬВОВ. Где девка-то?..

ПОДЪЯЧИЙ. Отдавать не хочет.

Пока все расходятся, воевода Иван Прозоровский и князь Семен Львов беседуют.

ВОЕВОДА. Ох, нехорошо у меня на совести, неладно. Ушел, сукин сын, из рук ушел, как налим. Ох, спросят нас, спросят: «А чего вы-то сделали?» А ничего: как он пришел с моря, так и ушел. Отдал, что себе в тягость, — и ушел. Всей и строгости нашей, что молебен отказались служить.

ЛЬВОВ. Хитер, ворюга...

ВОЕВОДА. Не та беда, что хитер, беда наша, что — умен. Хитрых-то у нас у самих много, умных мало. Чует мое сердце, вспомним мы ишо этот разговор, вспомним... Это вам не Ермак даже. Этот — похлеще будет, побашковитей.

ЛЬВОВ. Ну уж, Иван Семеныч... отыскал умницу! Прямо уж — головой в омут: перемог разбойник умом! Чего уж так?

ВОЕВОДА. Да ведь с оружием он опять уходит! «Чего так...» Так!

ЛЬВОВ. Выше царя не станешь, Иван. Указ довели — чего же?.. Все. И ладно. Кто отнимать-то станет? Стрельцы? Да они вон вместе с имя гуляют, стрельцы-то, вино ихное пьют наши стрельцы... Не видишь, что ли, что делается? Не тут, не с нами, он башковитый, а вон где, в городе: он уж все разузнал там, оттого и смелый такой. Нету у нас силы — унять его, нету. А он... что же, он, знамо, не дурак: понял это.

ВОЕВОДА. Оно — так. Так-то оно так...

Думский дьяк читает с авансены грамоту Разина.

ДЬЯК.

«Пишет вам Степан Тимофеич всей черни. Кто хочет богу да государю послужить, да великому войску, да и Степану Тимофеичу. Выслал я своих казаков, и вам бы заодно с ними изменников и мирских кравапивцев повывести».

СЦЕНА 5. «В набежавшую волну»

ОТ «АВТОРА»: Разин — это русская трагедия. И страшен он не ломанной бровью, не блеском особенным — простотой страшен своей... Такие есть глаза у людей: в какую-то решающую минуту они сулят смерть, ничего больше.

И, господа, нам ли считать, сколько он нанес ударов, и не было ли среди них лишних? Сужу-то я судом высоким, поднебесным — так называемый простой, нормальный положительный человек меня не устраивает. Тошно. Скучно.

На разинском струге. Разин и группа казаков: Стырь, Федор Сукнин, Ларька Тимофеев.

РАЗИН. Чего молчите-то? Черноярец небось чего наговорил?

СТЫРЬ. Да хоть и Иван. Ты, Тимофеич, атаман добрый, а на Ивана хвоста не подымай. У нас таких есаулов — раз-два, и нету.

РАЗИН. А Фрол?.. Фрол добрый был есаул. У Фрола ведь и голова была.

СТЫРЬ. А пошто — «была», батька?

РАЗИН. Какой хитрый явился! Глянь на его... Вот такой черт заморочит голову, и правда дурнем сделаеся. Нету больше Фролки.

СУКНИН. Он спьяну, батька, на девку-то полез. Сдурел, ударило в голову...

РАЗИН. Пускай молоко пьет, раз с вина дурет.

СТЫРЬ. Брось, Тимофеич. Серчай ты на меня не серчай, скажу: не дело и ты затеял. Где это видано, чтоб из-за бабы свары какой у мужиков не случалось? Это вечно так было! Вон она какая! Отдать ее надо — от греха подальше.

РАЗИН. Где прячете Фрола?! В гробину вашу, в кровь!.. *(толкает в грудь казаков.)* Жалко Фрола? А я вам кто?! Я атаман или затычка?! Мной помыкать можно?! Собаки!.. Шепчетесь тут?!

Федор и Ларька выхватывают сабли и идут на Разина. У того тоже сабля в руке.

РАЗИН. А-а. Ну?..

Иван Черноярец выбивает саблю из руки Федора Сукнина и заслоняет его собой.

РАЗИН *(напирая)*. Миротворец. Ну?.. Спас атамана? Спас?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Уймись, шальной! Что ты делаешь?

РАЗИН. Ать! (*взмахивает саблей и задевает Ларьку Тимофеева*) На-ка!..

Иван Черноярец кидается на Степана, растопырив руки, но тот сбивает его с ног и замахивается.

РАЗИН. Пропал, казаче!

Раздается выстрел. Разин всаживает саблю в дно струга рядом с головой Ивана.

РАЗИН. Кто стрелял?

СУКНИН. Я. Хотел...

РАЗИН. Куда метил? В руку?

СУКНИН. В саблю, батька. Святой крест, в саблю. Хотел выбить.

Разин садится на лавку, сплевывает за борт.

РАЗИН. Ну, повоевали, и будет. Ларька, покажь руку. Что там с ней?.. На атамана — с саблей! Бесстыдник.

ЛАРЬКА. Что я, рубить, что ль, стал бы?

РАЗИН. Показывай руку, Ларька. А что б ты стал? Причесывать?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Ты сдурел, Степан. Так можно заикой сделаться. Чего взбесился-то?

СТЫРЬ. Ты хоть заранее сказывай: буду пужать. А то я чуть в штаны не наделал.

РАЗИН. Будет про это. (*Смотрит в сторону княжны, потом переводит взгляд в небо.*) Ясно-то как!.. Господи! Конец лету. Ну, пошли глаза пялить! Ведро, говорю, стоит! Стало быть, хорошо! И нечего глаза пялить...

Разин поднимается и уходит в нос струга, в сторону, где сидит княжна. Казаки молча встают, толкаясь, стараются разглядеть, что там делает атаман с княжной.

СТЫРЬ. Мария, пресвятая богородица!.. Как-то не так надо было, не на глазах же у всех...

СЦЕНА 5. «Шуба и язык»

ОТ «АВТОРА»: Восстание — в решающие моменты — суть порождение одного ума, одной сильной воли. И это — часть трагедии. Потому что когда столкновение неизбежно, с каждой стороны вперед выходят самые лучшие. В середине XVII века на Руси вышли — и на долгое время вперед определили ход событий — три больших деятеля: донской атаман Разин, царь Алексей Романов и патриарх Никон. Решалась судьба русского государства, русского крестьянства. И заступник его был четвертован в Москве. Когда я

так понимаю события, разговоры о жестокости Разина мне представляются лишними. Он не может быть жесток исторически.

И если в понятие интеллигентности входит болезненная совестливость и способность страдать чужим страданием, Разин был глубоко интеллигентным человеком.

Двор Астраханского кремля. Степан Разин и воевода Иван Прозоровский. В стороне ждет казак.

РАЗИН. ...А теперь — не обессудь, боярин: мы пошли гулять. Я с утра не давал казакам, теперь самая пора: глотки повысыхали, окатить надо. Пушки мы вам свезем, струги приведем.

ВОЕВОДА. Не люблю уходить с тяжелым сердцем... Давай-ка, атаман, не будем друг на дружку зла таить. Нехорошо это, не по-христиански. Чего молчишь-то?

Разин молчит.

Ах, добрая у тебя шуба! Пропьешь ведь! А?

Разин молчит.

А жалко... Жалко такую шубу пропивать, добрая шуба. Сколько б ты за нее хотел?

Разин молчит.

Хорошо дам... Все равно же она тебе за так досталась. А?

Разин молчит.

Зря окрысился-то на меня. Про дела-то твои в Москву я писать буду. А я могу всяко повернуть. Так-то, атаман... Должен понимать... Ну, шуба!.. Ласковая шуба... Только — один черт — загуляешь ты ее на Дону. Загуляешь ведь?

РАЗИН. Бери себе.

ВОЕВОДА. Ну вот это по-добру! Только я сейчас не понесу ее, я за ней вечерком пришлю. Ага, так-то лучше — чтоб не глазели. А то пойдут глазеть! Греха потом не оберешь...

РАЗИН. Я сам пришлю.

ВОЕВОДА. Только, Степан... (*прижимает руку к груди.*) Христом-богом прошу тебя: не вели казакам в город шляться. Они всех людишек у меня засмущают.

РАЗИН. Не заботься, боярин. Иди спокойно.

Прозоровский уходит. Разин снимает шубу и отдает ее казаку. Казак уходит.

РАЗИН. Будет тебе шуба, боярин. Будет тебе шуба... свинья ненасытная.

Разин уходит. Входит группа хмельных казаков, впереди на высоком кресте Стырь несет дорожную шубу Разина. Во главе шествия — скоморохи.

СКОМОРОХИ.

У ворот трава росла,
У ворот шелковая!
Кто ту травушку топтал,
Кто топтал шелковую?

То-то, голубь, голубь, голубь!
То-то, сизый голубок!

Разин пристраивается к шествию и подпевает.

Воеводушка топтал,
Свет Иван Семенович!
Он искал перепелов,
Молодых утятешек!

То-то, голубь, голубь, голубь!
То-то, сизый голубок!

А нашел он нашу шубу!
Шубу нашу, шубыньку!
Перепелку на тарелку,
Шубыньку на рученьку!

То-то, голубь, голубь, голубь!
То-то, сизый голубок!

СТЫРЬ. Шуба батьки Степан Тимофеича замуж выходит. За воеводу. Шибко уж приглянулась она ему... В ногах валялся — выпрашивал. Ну, батька и отдает. Он добрый...

АСТРАХАНЦЫ. В надежных руках шуба будет!

СТЫРЬ. Да мы не горюем! Но проводить надо хорошо — по-доброму, чтоб им жить-поживать с воеводой в согласии, чтоб согрела она воеводу, как воевода замерзнуть станет.

Полежи-ка, шубынька,
У дружка у милого!
У сердца ретивого,
У Иван Семеныча!

То-то, голубь, голубь, голубь!
То-то, сизый голубок!
Ты меня состарила,
Без ума оставила!

Без ума, без разума,
Без великой памяти!
То-то, голубь, голубь, голубь!
То-то, сизый голубок!..

Процессия удаляется. Входят воевода Иван Прозоровский, его жена Прасковья Федоровна и человек воеводы некий Ярыга.

ВОЕВОДА. Думал я, что они такой свистопляс учинят?! Ворье проклятое. Ну не гады ли!.. Кто же у их такой голосистый — запеваает-то?..

ЯРЫГА. Скоморох. Днями трое откуда-то пришли: татарин малой, старик да вот этот. На голове пляшет, на пузе...

ВОЕВОДА. Ты приметь его. Уйдут казаки, он у меня спляшет. Стенька-то ихний там же?

ЯРЫГА. Стенька? Там. Со всеми вместе орет, старается.

ЖЕНА ВОЕВОДЫ. Стыд головушке! Людишки зубоскалить пойдут. Прямо уж околел бы ты без этой шубы!

ВОЕВОДА. Иди-ка отсудова, мать! Не твое это бабье дело. Ах, поганец! Что учинил, разбойник!.. Голову с плеч долой снял. Ты гляди, чего выдумал!.. И подумать нельзя было...

Входит Стырь в окружении казаков с саблями наголо, другие несут на руках дорогую шубу.

СТЫРЬ. Атаман наш Степан Тимофеич жалует тебе, боярин, шубу со свово плеча. (кладет шубу). На.

ВОЕВОДА. Вон!!! Прочь!.. Воры, разбойники! Где первый ваш вор и разбойник?! Он с вами?! Он больше не атаман вам! Поганец он, вор!.. Не слушайте больше Стеньки! Он — дьявол! Он сам сгинет и вас всех погубит!..

Все уходят. Остаются скоморох Семка и Ярыга.

ЯРЫГА. Это ты, что ли, на голове-то пляшешь?

СЕМКА. Я. Я ишо и на пузе могу.

ЯРЫГА. Пошли со мной?.. Дворовым людишкам охота глянуть. Денег дадут. Чего? Ну?..

СЕМКА. Нас трое.

ЯРЫГА. Зови и их. Пошли! Накормят, денюжку дадут... А я один разок видал вас, чуть не сдурел со смеху...

СЕМКА. Девки есть?

ЯРЫГА. Девки? Чего они тебе?

СЕМКА. Девки смеяться любят.

ЯРЫГА. Есть, есть девки! Полно. Счас вместе посмеемся!..

Уходят. Входят Разин, есаул Иван Черноярец и другие казаки.

РАЗИН. Сколько коней закупили, Иван?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Сто двадцать. А сбруи на полста.

РАЗИН. Закупить! Какого дьявола ждешь? Солнце встанет, роса очи выест.
(*Неожиданно*). Где Фрол?

ЧЕРНОЯРЕЦ. А я откуда знаю! Что я, бегаю за им?

РАЗИН. Куда вы его спрятали? Чего в глаза-то не смотришь?

ЧЕРНОЯРЕЦ. Не знаю, где он. Никто его не прятал...

РАЗИН. Не трону я его. Пускай вылазит. Дело будем делать или по кустам хорониться?
Нашли время!..

Входит казак.

КАЗАК. Батька, хлопец до тебя.

РАЗИН. Какой хлопец?

КАЗАК. Трое шутовых давеча было... шубу-то когда провожали...

РАЗИН. Ну?

КАЗАК. Один, малой, прибег счас из Астрахани: заманили их люди воеводины — мстятся за шубу. А этот вывернулся как-то...

РАЗИН. Позови.

Входит татарчонок-скоморох.

ТАТАРЧОНОК (*плачет*). Думали: мы спляшем, нам денег дадут... Семка соблазнил — девок шибко любит. Сколько уж раз, дурака, били!.. Спаси, батюшка, ради Христа истинного! А то их совсем заколотят там....

РАЗИН. Не реви. А ты позови Фрола, слышишь, Иван. Скажи, хуже будет, если сейчас не вылезет. Не плачь, сынок, поможем.

ТАТАРЧОНОК. Бичом бил. Дедушке бороду жгли... Семку огнем за шубу мучают. Батюшка-атаман, пособи им... родненький...

РАЗИН. За шубу? Так и говорят — за шубу?

ТАТАРЧОНОК. За шубу. Семке посулились язык срезать...

Входят Иван Черноярец, Стырь и Фрол Минаев. Фрол останавливается в отдалении.

РАЗИН. Загостился ты там, в кустах-то. Поглянулось?

ФРОЛ. Прямо рай! Ишо бы гостевал, но заела проклятая мошкара — житья от ее нету...

РАЗИН. Отдохнул?

ФРОЛ. Отдохнул.

РАЗИН. Теперь так: бери с двадцать казаков и ехайте в Астрахань. Вот малой покажет куда. Там псы боярские людей грызут. Отбейте.

ФРОЛ. Как? Боем прямо?

РАЗИН. Как хошь. Хошь прямо, хошь криво. Но чтоб скоморохи здесь были!.. Слышал?!

Фрол Минаев с казаками выходит. Разин кричит им вслед.

РАЗИН. Фрол!.. Руби их там, в гробину их! Кроши подряд!.. Лизоблюды, твари поганые! Невинных-то людей?! Отворяй им жилы, Фрол, цеди кровь поганую!.. Сметай с земли! *(срывает шапку, бросает под ноги, мотает головой)*. Кто породил такую гадость? Собаки!.. *(с хрипом)*. Руби, Фрол!.. Не давай жить... *(опускает голову без сил)*.

ЧЕРНОЯРЕЦ. Он уехал, батька. Сейчас там будет, не рви сердце.

Разин, пошатываясь, выходит.

КАЗАК. А ведь это болюсть у его. Вишь, всего выворачивает. Маленько ишо — и припадок шибанет. У моего кума — тоже так: как начнет подкидывать...

СТЫРЬ. Раньше с ним такого не было. Болюсть не болюсть, а сердце надорванное... Вроде, и с горя так не бывает... Горе-то проходит.

КАЗАК. С чего же он так?

СТЫРЬ. Жалосливый.

Входят скоморохи.

СКОМОРОХИ.

На восходе было солнца красного.
Не буйные ветры подымалися,
Не синее море всколыхалося,
Не фузеюшка в поле прогрянула,
Не люта змея в поле просвиснула...
Она падала, пулька, не на землю,
Не на землю, пуля, и не на воду.
Она падала, пуля, в казачий круг,
На урочную-то на головушку,
Што да на первого есаулушку...
И совсем как стон, тяжкий и горький:
Попадала пулечка промеж бровей,
Што промеж бровей, промеж ясных очей:
Упал молодец коню на черну гриву...

АКТ 2.

СЦЕНА 1. «Заговор»

ОТ «АВТОРА»: Конечно, Разин был не агнец с цветком в руке, рука его держала оружие и несла смерть. Но мы с той поры крепко запомнили: заступник найдется! Предводитель сыщется.

В то далекое время народ не знал, как освободить себя. Не знал и Разин. Если б знал, освободил бы. Человек умный и талантливый как-нибудь да найдет способ выявить правду. Хоть намеком, хоть полусловом — иначе она его замучает, иначе жизнь пройдет впустую. А иной обрушит всю правду с блеском и грохотом на головы и души людские. Обстоятельства, может быть, убьют его, но он сделает свое дело.

Бородатую, разопревшую в бане лесовую Русь покачнул все-таки царь Алексей Михайлович, а свалили ее Стенька Разин и потом — окончательно — Петр Великий.

Черкасск. Разин в доме крестной матери сидит за столом с Матреной.

МАТРЕНА (поднимает чарку). Давай, кресничек! С благополучным прибытием. Слава господу! Дай бог, чтоб и всегда так было — с добром да удачей.

РАЗИН. Как тут у вас, Матрена Ивановна? Ждали нас аль нет? Чего Корней, крестный мой, подумывает?

МАТРЕНА. Корней, он чего?.. Он притих. Его не враз поймешь: посапливает да на ус мотает.

РАЗИН. Хитришь и ты, Ивановна. Войсковой-то атаман, знамо, хитер, да не на тебя. Ты-то все знаешь. Али от меня таисся?

МАТРЕНА. Не таюсь, чего мне таиться. Корней вам теперь не друг и не товарищ: вы царя разгневили, а он с ним ругаться не будет. Он ждет теперь, чего вам выйдет за все. А то ты Корнея не знаешь!

РАЗИН. Ну, а как нам худо будет, неужто на нас попрет? Как промеж себя говорят?

МАТРЕНА. Попрет.

РАЗИН. А старшина как?

МАТРЕНА. Чего старшина? И старшина ждет. Ждут, какой конец будет.

РАЗИН. Конца не будет, крестная. Нету конца пока.

МАТРЕНА. А ты поменьше про это. Нету — и нету, а говорить не надо. Не загадывай. Вот скажи лучше, кака же така девка-то у тебя была?

РАЗИН. Какая девка?

МАТРЕНА. Сказывают, там у тебя девка была...

РАЗИН. Будет тебе, крестная! С девкой какой-то привязалась...

МАТРЕНА. Шахова девка, чего глаза-то прячешь? Ну, вот вернется Алена...

РАЗИН (*строго*). Ты... про девку-то — не надо...

МАТРЕНА. А то не скажут ей? Лапти плетешь, а концов хоронить не умеешь.

РАЗИН. Ну, скажут — и скажут, ладно.

Разин ложится в углу на топчан и тут же засыпает. Входит его жена Алена.

АЛЕНА (*глядя на спящего*). Господи, господи. И люблю его, и боюсь его. Страшный он.

МАТРЕНА. Будя тебе, глупая! Какой он страшный — казак и казак.

АЛЕНА. Про што думает?.. Никогда не знала.

МАТРЕНА. Нечего и знать нам... (*начинает заговор*). Заговариваю я свово ненаглядного дитятку Степана, над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечою обручальною.

Встает, проводит ладонью по лбу Степана; тот шевелится, но не просыпается.

...Умываю я свово дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные...

АЛЕНА (*плачет*). Погинет он, чует мое сердце.

МАТРЕНА. Цыть!

МАТРЕНА. Заговариваю я, раба, Степана Тимофеича, ратного человека, на войну идущего, этим моим крепким заговором. Чур, слову конец, моему делу венец. Будь ты, мое дитятко, цел, невредим: от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачнова бойца, от ратоборца, от дерева русскова и заморскова, от полена длиннова, недлиннова, четвертиннова, от бабьих зарок, от хитрой немочи, от железа, от уклада, от меди красной, зеленой, от серебра, от золота, от птичьева пера, от неверных людей: ногайских, немецких, мордвы, татар, башкирцев, турченинов, якутов, китайских людей. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распрости с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным.

АЛЕНА. (*воет в голос*) Ох, да не отдала б я его, не пустила б... Ох, да на кого же ты нас покидаешь-то?.. Да и что же тебе не живется дома-то? Да разве так уж горько тебе с нами? Да родимый ты мо-ой!..

МАТРЕНА. Поплачь, поплачь, зато легче будет. Шибко только не ори — пускай поспит.

РАЗИН (*приподнимая голову*). Ну, мать твою... Отпевают уж.

МАТРЕНА (*поднимает чарку*). Давай, крестничек! Слава Господу! А кто не вернулся — царство небесное, земля пухом лежать.

(Появляются скоморохи)

СКОМОРОХИ.

Ох, по рюмочке пьем,
Да по другой мы, братцы, ждем;
Как хозяин говорит:
За кого мы будем пить?..
А хозяин говорит:
Ох, за тех мы будем пить,
За военных молодцов,
За донских казаков.
Не в Казани, не в Рязани,
А в славной Астрахани...

СЦЕНА 2. «Добро и зло»

Разинский лагерь. Входят Степан Разин и атаман Васька Ус.

УС. Калган не болит?

РАЗИН. Нет.

УС. А то пойдем, у меня четверть доброго вина есть. У воеводы в погребе нашли. Ха-а-рошее винцо!

РАЗИН. Ну, пойдем. А где сейчас Матвей твой?

УС. Тебе зачем? Смотри, Степан... тронешь его — меня тронешь. А меня за всю жизнь никто ни разу не мог тронуть. Не нашлось такого.

РАЗИН. Глянется мне этот мужик твой. Умный. Ты береги его.

УС. Глянется, а сам стукнуть хотел... Первый-то раз.

РАЗИН. Попужать хотел и первый раз. Видно, натерпелся он за жизнь всякой всячины... Из таких — умные получаются. Где ты его взял-то?

УС. Пристал к нам... а бросать жалко стало. Натерпелся он, верно, много. Где только не бывал! А говорит не все... Даже не знаю откуда. Рязанский, наверно... Не спрашивал.

РАЗИН. Умный мужик, верно. Пойдем мировую с ним выпьем.

УС. Это дело другое, я не люблю лаяться. Пойдем, не отставай. Как зачую, где вино, так меня не удержишь: как мельница ногами работаю.

Разин и Ус подходят к Матвею.

РАЗИН. Сиди, я тебе не боярин. Мировую хочу с тобой выпить.

МАТВЕЙ. А я уж богу душу отдавать собрался. Ну, мировую так мировую. Лучше мировую, чем панихидную. Так ведь? Не боюсь я тебя, грозный атаман.

РАЗИН. Давеча же убить тебя мог.

МАТВЕЙ. Мог. Можя, и убьешь когда-нибудь. А все равно не боюсь.

РАЗИН. Как так?

МАТВЕЙ. Люблю тебя.

РАЗИН. Хм...

МАТВЕЙ. Одно время шибко я Бога кинулся любить... Чего только над собой не делал! — казнил себя всяко, голодом морил... даже на горбатой бабе женился... Ну — вроде как полюбил, вроде спокойней на душе стало. Пожил маленько — нет, не могу: обман сплошной. Не могу его всего в башку взять, не дано. Ну, а больше уж — на кого же надеяться?..

РАЗИН. Надеяться? А чего тебе надо-то?

МАТВЕЙ. Хочу-то?.. Сам не знаю. Жалко людей, Степан Тимофеич, эх, жалко! Уж и не знаю, откуда она, такая жалость. Самого-то в чем душа держится, соплей перешибить можно, а вот кинулся весь белый свет жалеть. Да ведь если б только жалел! Пошел в монастырь вон — жалей на здоровье, молись. А то ведь руки чешутся — так охота иной раз кому в зубы сунуть. Прямо мука, истинный Христос. Вот и стал я на людей надеяться, Степан. На тебя вот...

РАЗИН. Ты говоришь: кинулся было Бога любить, да вот не вышло... А я любил, Матвей.

МАТВЕЙ. Неужто?

РАЗИН. Любил. Молился... Только молился, а сам думал: не поверит он мне. Подумает: вот он просит, а сам небось про баб думает али — как погулять... Он же ведь все там знает.

МАТВЕЙ. А чего просил-то? Молился-то?

РАЗИН. Чтоб отец живой из похода пришел, чтоб казаки врага одолели... Маленький был, молился, чтоб мать не хворала, — жалко было. Да мало ли!..

МАТВЕЙ. Не любил ты его, Степан. Так не любят: не дело это — Богу молиться и тут же думать: не поверит, мол, мне Бог.

РАЗИН. Да ладно. Я вон плакал даже! Большой уж был, и то плакал...

МАТВЕЙ. Это... душа у тебя такая — жалосливая. Когда верют, так уж верют, а ты с им, с Богом, как с кумом: в думы его тайные полез. Нешто про Бога можно узнать, чего он думает?

РАЗИН. Ну, не знаю... Я верил.

МАТВЕЙ. Чего ж бросил?

РАЗИН. Я, может, и не бросил вовсе-то... Попов шибко не люблю. За то не люблю, оглоедов, что одно на уме: лишь бы нажраться!.. Лучше уж ты убивай на большой дороге, чем обманывать-то. А то — и богу врет, и людям. Не жалко таких нисколь...

МАТВЕЙ. Дерьма много... Правда. Вон, татаре говорят про своего бога: поймешь себя, поймешь бога. А мы вот себя не понимаем, а кинулись вон кого понимать...

РАЗИН. Так чего же он терпит там?! Все силы небесные в кулаке держит, а на земле — бестолочь несусветная. Куда ж он смотрит? Нет уж, тут и понимать нечего: не то чего-то... Не так. Кто же людям поможет-то? Царь?

МАТВЕЙ. Ну, это не его дело! Иной раз думаю: да хоть пожалей ты людишек своих!.. Нет, никак, ни-как! Не видит, что ли?.. Не знает ли...

РАЗИН. Не видят, не знают... Да ну их обоих. Вишь, хорошо как. Над речкой. Живешь — не замечаешь. А хорошо.

МАТВЕЙ. Хорошо. Костерок бы сейчас над речкой... Лежать бы — считать звезды.

РАЗИН (*смеясь*). Ты прямо мою думку подслушал... Поваляться б? Эх, поваляться б!.. (*жестко*). А вот зачем ты с любовью-то ко мне давеча вылетел... это я знаю зачем.

МАТВЕЙ. Зачем? — искренне спросил Матвей.

РАЗИН. Чтоб наперед не страшиться меня. Сказал: «люблю» — у меня рука не подымется больше...

МАТВЕЙ. Ты что, палач, что ль, что тебе на меня обязательно руку поднимать?

РАЗИН. А ты не говори поперек.

МАТВЕЙ. Ишь ты какой!..

Входит Ус с четвертью вина.

УС. Вот они, вояки... Спят... Набежи полсотни стрельцов — к обеду всех повырубят. Не добудиться никаких караульных...

РАЗИН (*Матвею*). Ты все-таки не выскакивай лишний раз с языком. А то... Сам потом горевать буду, да поздно. Не знаешь меня...

МАТВЕЙ. Я все про тебя знаю, Степан.

РАЗИН. Ну да?

МАТВЕЙ. Уймись, Степан. Уймись, ради Христа, с пьянкой! Что ты делаешь? Ты вот собрал их много тыщ — да всех их в один пригожий день и решишь. Грех-то какой!.. Надежа ты наша, заступник наш, батюшка, — пропадем ведь мы. Подведи-ка на приступ эдакую-то похмельную ораву — что будет-то? Перебьют, как баранов! Пошто ты такой стал? Степушка!.. Ты что же, верить, что ль, перестал? Что с тобой такое?

РАЗИН. Молчи!

МАТВЕЙ. Не буду я молчать! Руби ты меня тут, казни — не буду. Не твое только одного это дело. Русь-матушка, она всем дорога. А люди-то!..

РАЗИН. Молчи, Матвей!

МАТВЕЙ. Зря ты им насулил, чтоль — спасешь от бояр да дворян, волю дашь, — зря? Возьмись за дело, Степан. Можно ли тут пиры пировать? Не на Дону ведь ты! И не в Персии. Это — Русь... Тут и шею сломить могут. Гони от себя пьянчуг разных!..

УС (разливая вино). Ты это... полегче.

МАТВЕЙ. Одна у всех думка — напиться. А что мы кровушкой своей напиться можем — это им не в заботу. Возьмись, Степан, за гужи, возьмись. Я знаю — тяжело, ты не конь. Но как же теперь?.. Сделал добро — не кайся, это старая поговорка, Степан, она не зря живет, не зря ее помнят. Только добро и помнят-то на земле, больше ничего. Не качайся, Степан, не слабни... Милый, дорогой человек... как еще просить тебя? Хошь, на колени перед тобой стану!..

Степан молча встает и уходит. Чуть погодя раздается его разбойничий свист.

МАТВЕЙ. Господи, дай ему ума и покоя.

СЦЕНА 3. «Богородица»

ОТ «АВТОРА»: Разин — натура сложная, во многом противоречивая, необузданная, размашистая. Он шел на все. И не обманывался. Иногда только приходилось обманывать во имя святого дела Свободы, которую он хотел утвердить на Руси.

Непонятные, дикие, странные причины побуждают людей скрывать правду. Ложь — во спасение, ложь — во искупление вины, ложь — для достижение цели... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой.

И тем-то дороже и роднее те люди, которые не притворяются, не уползают от правды в сторону, не изворачиваются всю жизнь. Такие люди восхищают и радуют.

Думный дьяк читает с авансены донесение, составленное по сведениям, полученным из района восстания.

ДЬЯК. «...Великому государю изменили, того вора Стеньку в город пустили. И вор Стенька Разин боярина и воеводу князя Ивана Семеныча Прозоровского бросил с башни. А двух сынов боярских он, Стенька, на городской стене повесил за ноги, и висели они на стене сутки. И в церквах божьих образы окладные порубил, и великого государя денежную казну всю поимал. А боярская жена и всяких начальных людей жены все живы, и никого тех жен он, Стенька, не бил. А стольник и воевода князь Семен Львов ныне в Астрахани жив. Вор Стенька, учиня круг, говорил: любо ль вам, атаманы молодцы, простить воеводу князь Семена Львова? И они, воровские казаки, в кругу кричали, что простить его им любо».

Захваченная Астрахань. Разин, казаки, астраханцы и сдавшиеся в плен стрельцы.

РАЗИН. Здравствуйте, братья! Мстите теперь над вашими лиходеями! Они хуже татар и турка!.. Я пришел дать вам волю!

ВСЕ. Здравствуй, батюшка Степан Тимофеич! Рады видеть тебя живым-невредимым!

РАЗИН. Вы мне дети и братья! Вы будете богаты, как мы. Мне нужна ваша верность и храбрость. Остальное возьмем вместе! Пришла пора нам наказать бояр!

Вводят князя Львова.

РАЗИН. Здоров, князюшка! Дал бог, свиделись. Чего такой невеселый?

ЛЬВОВ. Пошто?.. Вон как весело! Чересчур даже... Пир горой!

РАЗИН. Что, будут еще со мной биться? Как думаешь?

ЛЬВОВ. Мне то неведомо, атаман. Тебе лучше знать. Вон, лучше в Царицыне спроси.

РАЗИН. Царицын — он дождется. А вот Астрахань мне сейчас ответит... Ответит! Не веришь?..

ЛЬВОВ. Как не верю?! Верю. Не хочешь, да поверишь.

РАЗИН. Воеводу вашего да бояр за ноги повешу. Что, князь? Страшно?

ЛЬВОВ. Мне-то с чего бы страшно?.. Тебе за все ответ держать, не мне. Жалко мне их. Как ты решился на такое? Ведь это бунт, Стенька. Да бунт-то какой — невиданный. Как же так можно?

РАЗИН. Тебе своих жалко, мне — своих. Сколь тут? Капля в море. Сами-то вы столько извели да по миру пустили...

ЛЬВОВ. Кто мы-то?

РАЗИН. Вы. Вы хуже Мамаю... хуже турка! Вы плачете, а мне кажется, волки воют.

ЛЬВОВ. Вам ли, казакам, на судьбу жалиться? Уж кому-кому, а вам-то... грех. Чего вам не хватало-то?

РАЗИН. Затяжи-то вы, князь. Стоит тут, рот разевает: «вы», «вы-ы»... А вы?! Вон где ваше место! (*указывает в сторону*). На дне! Тоже туда захотел?

Князя Львова уводят. Разина приветствует народ.

ВСЕ. Будь здоров, батюшка наш, Степан Тимофеич! Дай тебе бог много лет жить и здравствовать, заступник наш! Слава батюшке Степану! Слава вольному Дону!

КАЗАКИ. Выпьешь с нами чару, батька?

РАЗИН. Гуляйте-ка без меня, братцы.

(Появляются скomorохи)

СКОМОРОХИ.

— Ой вы, туры, ой вы, туры, малы деточки!
Где вы, туры, где вы, туры, были-ходили?
— Уж мы были, туры, да на святой Руси.
— Уж вы что, скажите, туры, там увидели?
— Уж мы видели там, туры, стену городову,
Уж мы видели там башню наугольную;
А из той стены из городовой
Выходила девица-душа красная,
Выносила она книгу Евангелие
Да копала она книгу во сыру землю,
Она плакала над книгою, уливалася:
«Не бывать тебе, книга, да на святой Руси
Не видать тебе, книга, свету белого,
Свету белого да солнца красного»...

Разин делает скоморохам знак уйти. Остается немой скоморох Семка, что-то пытается сказать Разину.

РАЗИН. Что, Семка? Не гуляется?

Скоморох в ответ мычит.

РАЗИН. Мне тоже не гуляется. Даже пить не могу. Город взяли, а радости... нету, не могу нисколь радости в душе наскрести. Вот как бывает. Понимаешь?.. Да все ты понимаешь.

Скоморох в ответ мычит.

РАЗИН. Ты вот в Бога веришь, Семка?

Скоморох утвердительно кивает головой.

РАЗИН. А веришь, что мы затеяли доброе дело? Вон, там, возле церкви, поп шумит... мол, Бога топчем. Разве мы Бога обижаем? У меня на Бога злости нету. Бога топчем... Да пошто же?

Скоморох снова начинает мычать, показывает нательный крест, делает страшное лицо, становится на колени.

РАЗИН. Не пойму... Ну-ка, давай еще.

Скоморох показывает руками бороду, митру на голове, указывает на храм.

РАЗИН. Что? Митрополит?

Скоморох кивает и мычит утвердительно и продолжает что-то объяснять.

РАЗИН. Ну... Чего митрополит-то? Чего он, козел? Лается там небось? Пускай...

Скоморох указывает на Разина, делает страшное лицо и заносит над головой крест.

РАЗИН. Крестом зашибет меня?.. А-а!.. Проклянут? В церквах проклянут?

Скоморох утвердительно кивает.

РАЗИН. Понял, Семка: проклянут меня на Руси. Ну и... проклянут. Не беда. Выведем всех бояр, Семка, вот тогда легко нам будет, легко. Царь заартачится, — царя под зад, своего найдем. Люди хоть отдохнут. Вот это по-божески будет.

Семка уходит. Входит есаул Федор Сукнин.

РАЗИН. Ступай, Федор, к митрополиту в палаты, возьми старшего сына воеводы, Бориса, и приведи ко мне. ...Стой. Возьми и другого сына, младшего, и обоих повесь за ноги на стене.

СУКНИН. Другой-то совсем малой... Не надо, может...

РАЗИН. Я кому сказал! Надо.

Есаул Федор Сукнин было уходит, но в это время появляется есаул Ларька Тимофеев и останавливает его.

ЛАРЬКА. Если ты думаешь, что ты один только в ответе за нас, то мы так не думаем. Что, настрогал иконок?!

РАЗИН (*растерянно*). Ты что, сдурел, Ларька?..

ЛАРЬКА. Я не сдурел! Это ты сдурел!.. Иконы кинулся саблей рубить. А митрополит их всем показывает. Зовет в церкву и показывает... Заместо праздника-то... горе вышло: испужались все, дай бог ноги — из церквы. На нас глядеть бояться...

РАЗИН. Что-то вправду не подумал я... И что теперь делать, ребята?

СУКНИН. Закреть церкву... не пускать туда никого.

РАЗИН (*с надеждой*). А?

ЛАРЬКА. Нет... видели уж. Так хуже будет. Лучше бы...

РАЗИН и СУКНИН. Как?

ЛАРЬКА. Сам не знаю. Выдь, что ли, на крыльцо, скажи: «Сгоряча, мол, я...»

РАЗИН. Ну... Это что ж... Знамо, что сгоряча, но ведь — иконы! А там — мужичье...

ЛАРЬКА. Э-э! Давай так: я мигом найду монаха какого-нибудь, научу его, он выйдет и всем скажет: «Митрополит иконы порубленные показывает: мол, Стенька изрубил их — не верьте: это я сам изрубил их, а свалили на Стеньку». А?

Изумленные бессовестным вывертом Ларьки, все молча смотрят на него.

РАЗИН. Где ж ты такого монаха найдешь?

ЛАРЬКА. Господи!.. Найду. Что, монахи жить, что ли, не хочут? Все жить хочут.

РАЗИН. Ладно. Иди, останови митрополита вредного. Промахнулся я с им.

ЛАРЬКА. А ты потом выйдешь и устыдишь митрополита принародно. Скажи: «Ая-яй-яй, старый человек, а такую напраслину на меня...»

РАЗИН. Нет, — я не пойду. Сам устыди его хорошенько. А батька, скажи всем, пьяный лежит. Нет, не пьяный, а... куда-то ушел... Хорошая у тебя голова, Ларька. Не пьешь, вот она и думает хорошо. Молодец. Ай, как я оплошал!..

Есаулы уходят, Разин остается один. Появляются скоморохи.

СКОМОРОХИ.

— Ох вы глупые, вы, туры, да неразумные!
Там не башня стояла наугольная —
А стояла там церковь соборная,
То не девица выходила, не красная, —
Выходила запрестольна богородица;
Да не книгу закопала да не Евангелъе —
Закопала она веру христианскую.
Она плакала над верой да уливалась:
«Не бывать тебе, вера, да на святой Руси,
Не видать тебе, вера, свету белого,
Свету белого да солнца красного,
Солнца красного да зори утренной.

Скоморохи уходят, остается скоморох Семка Резаный.

РАЗИН. А вот скажи, Семка, ты же много бывал по монастырям разным...

Семка кивает головой. Разин говорит, как бы сам удивляясь сказанному.

РАЗИН. Был и я в Соловцах. И там видал я одну икону Божьей Матери с дитем. Перед этой иконой все на коленки опускаются, и я опустил... Гляжу на ее, а она — смеется. Правда! Не совсем смеется, а улыбается, в глазу такая усмешка. Вроде горько ей, а вот перемогла себя и думает: «Ничего». Такая непонятная икона! — «Ничего». Больше всех мне поглянулась. Я до-олго стоял возле... смотрю и смотрю, и все охота смотреть. Сам тоже думаю: «Ничего!» Как это так? Разве так можно? Ведь не по-божьи как-то...

Семка неопределенно пожимает плечами.

РАЗИН. Нет, Семка, не ее страшусь, гундосую, не смерть... Страшусь укора вашего: ну-ка, да всем придется сложить головы?.. А? Не знаю... Не знаю, Семка, не знаю... Ну, не робей. Даст бог, не пропадем.

СЦЕНА 4. «Разин и царь»

ОТ «АВТОРА»: Воля. Что это значит? Это значит, что человек, принявший в сердце народную боль, поднимает карающую руку. Что делает таких героев ТАКИМИ? Редкая, изумительная, невероятная способность полного самоотречения. Такие люди умирают без страха — и живут в благодарной памяти людской, в песне, в легенде.

Утро. Разинцы в струге под Самарой. Разин думает. Голова его чуть качается взад-вперед от гребков. Рядом Матвей Иванов, он плачет.

РАЗИН. Не скули.

МАТВЕЙ. Сади меня.

РАЗИН. Я ссажу тебя!.. На дно вон.

МАТВЕЙ. Сади, Степан.

РАЗИН. Молчи. Придем в Самару — станем на ноги, через две недели нас опять много тыщ станет...

МАТВЕЙ. Сколько их там легло-о! Сколько их полегло, сердешных!.. Господи, господи-и... Как жить-то теперь?.. Ка-ак?

РАЗИН. Ничего, кровь ихняя отольется.

МАТВЕЙ. Да кому?! Кому она отольется?! Пролилась она, а не отольется! Рекой пролилась... в Волгу!

РАЗИН. Молчи!

МАТВЕЙ. Не буду я молчать! Не буду!.. Будьте вы прокляты!

Ларька Тимофеев выхватывает саблю и замахивается на Матвея.

ЛАРЬКА. Молчи, собака!

РАЗИН. Так кто ж в том виноватый, Матвей?

МАТВЕЙ. Ты, Степан. Ты виноватый, ты.

РАЗИН. Ты говорил: я не буду виноватый...

МАТВЕЙ. Их там режут, колют сейчас, как баранов!.. Зачем мы бежим?! Зачем бросил их! Воины, мать вашу!..

Степан бьет Матвея. Тот падает на дно струга, поднимается, вытирает кровь с лица.

РАЗИН. Я, я повел их! (*показывает рукой назад*). Я! Но воля-то всем нужна!.. Всем?! Пока одолели нас, Матвей. Дай с силами собраться... Кто сказал тебе, что конец? Нет, это не конец. Что ты! Верь мне... Мне вот давеча сон приснился. Москва... Престольная, праздничная. Звон колокольный. Что же, думаю, за праздник такой? А там атамана Стеньку Разина встречают. Еду как будто я на белом коне, шапка на мне нарядная, одежда тоже. Вокруг атаманы и есаулы. А сзади — все войско, нарядное и веселое. Народ

московский дюже рад, кланяется, улыбаются. Я тоже им с коня кланяюсь... Выехали на Красную площадь. Потом — к Спасским воротам. Слез я с коня и вошел в Кремль. Вот те и Кремль — Кремль как Кремль... И палаты царские — палаты как палаты... В царских палатах — царь да бояре. Вхожу, будто, я со всей ватагой, хозяйским таким шагом и говорю: «На карачки! Все! Разом!..»

МАТВЕЙ. Царем все еще хочешь стать? Хоть во сне?

РАЗИН. Нет, не хочу. Я ж всегда говорил.

МАТВЕЙ. Вот ты б поменьше кричал везде, что не хочешь царем быть, тогда б никто ни об чем и не думал.

РАЗИН. Кто б не думал? Об чем не думал?

МАТВЕЙ. Что царем хочешь сесть. А то — кричишь: мол, не хочу царем, не хочу, а все наоборот думают. Это уж так человек заквашен: ему одно, он — другое.

РАЗИН. Пошел ты!.. С чего бы им думать, что сам я хочу царем на Москве сесть? Нет, не я сам, я вон наследного царевича веду на престол. И патриарх со мной идет тоже. Есть разница?

МАТВЕЙ. С этими двумя ты далеко ли уйдешь. Эти твои царевич Алексей Алексеич и патриарх Никон — они ж ряженые. Мало до тебя, что ль, народ обманывали?! Нет!.. И этому дай обмануть. А как обман раскроется? Что народ тогда скажет?

РАЗИН. Для его же выгоды обман-то, дура! Не мне это надо!

МАТВЕЙ. А ты сам-то? Чего ты, Степан Тимофеевич, так уж страшисся-то? Ну, если и вправду царем?

РАЗИН. Какой я царь?

МАТВЕЙ. Ишо какой царь-то! Только самовольный шибко... Ну — слушаться зато будут. Был бы с народом добрый — будешь и царь хороший. Не великого ума дело: сиди высоко да плюй далеко.

РАЗИН. Хитрый ты, Матвей. Все мужики хитрые.

МАТВЕЙ. А ты не хитрый?

РАЗИН. Чего ты заладил: «а ты», «а ты»?.. Дятел. Я тебя спрашиваю!

МАТВЕЙ. Ты тоже хитрый, Степан. Может, так и надо...

РАЗИН. Где это я хитрый?

МАТВЕЙ. Да с царем с тем же... Не жалуешь ты его, а как надо людей с собой подбить, говоришь: я за царя! Хэх!.. За царя. Раз уж ты за волю, Степан, так уж не кривил бы душой. Ну, опять же — не знаю. Тебе видней. Погано только как-то все... вроде и доброе дело собрались делать, а без обмана — никак! Что за житуха такая... У нас, что ль, у одних так, у русских?

РАЗИН. Вон как! Вон как у тебя вышло... А может, правда мне сесть посидеть на троне-то? Плеваться-то научусь, дальше других насобачусь...

ЛАРЬКА. Тут важно ишо — метко.

МАТВЕЙ. Не посидишь уже, Степан. Не пойдут они теперь за тобой, твои Алешки да Федьки. Они везучих атаманов любят. А тебя побили... Не пойдут теперь.

РАЗИН. Врешь!

МАТВЕЙ. Не пойдут, Степан, не тешь себя. Под несчастной звездой ты родился. Кинулись было на тебя, как мотыли на огонь... И обожглись. Да и сам ты — сорвался теперь, а сгореть — это скоро. Один след и останется... яркий...

РАЗИН. Утрись вон. И не каркай.

МАТВЕЙ. Хочешь, попробуй. Кто сам перестал верить, тому тоже не верют. Не я каркаю, Степан, над нами над всеми каркают... Подыми голову-то, оглядись: они уж свет заслонили — каркают.

СЦЕНА 5. «Вечеря»

Землянка в Кагальнике. За столом Корней Яковлев, Фрол Миронов, казаки. Алена накрывает на стол. Входит Степан Разин с двумя-тремя казаками.

РАЗИН. Здорово, крестный!

КОРНЕЙ. Здоров, сынок!

РАЗИН. Чего за пустым столом сидите? Алена!.. Али подать нечего?

АЛЕНА. Есть, Степан, как же так нечего!

РАЗИН. Так давай!

Разин отстегивает саблю, бросает на лежанку. Пистоль оставляет при себе. Его казаки остаются стоять и сабель не снимают. Разин садится на хозяйское место — в красный угол.

РАЗИН. Чего такие невеселые? А? Сидят как буки... Фрол, чего надулся-то?

ФРОЛ. А ты, Степан, с чего развеселел?

РАЗИН. А чего мне? Дела веселые, вот и веселюсь.

ФРОЛ. Оно видно, что веселые...

КОРНЕЙ. Ну, а где ж твое войско, крестник?

РАЗИН. На берегу стоит.

КОРНЕЙ. Там полста только. Все, что ль? А я слышал, у тебя многие тыщи. Врут? Вот люди! Медом не корми, дай приврать.

РАЗИН. Говорят, а зря не скажут, крестный, — не отмахивайся. Про вас вовсе вон чего говорят: совсем уж, мол, боярам продались, все вольности отдаете, мол... Я тоже не шибко верю, но спросить тоже охота: так ли, нет ли? А? Тоже врут небось?

КОРНЕЙ. Сломишь голову, Степан, по-свойски тебе говорю, жалеючи.

РАЗИН. Да ты весь жиром затек, кабан! Ты-то чего все скрытничаеть-то? Кого обманываешь-то?

КОРНЕЙ. Поверь мне, старому: два раза судьбу не пытаются...

РАЗИН. Да я, может, ни разу еще не пытал ее...

КОРНЕЙ. Батюшки мои!.. Как разохотился-то! Ну, спытай, спытай... глядишь, и наш теля волка слопают, может, угораздит...

РАЗИН. Врешь! Лукавишь, старый. Если хошь говорить по правде, говори, не лукавь. Не делай из меня недоумка.

КОРНЕЙ. Будто не знаешь ты, что чуть сам не сгубил все наши вольности донские... Не тобой тоже они добывались, не твоими голодранцами. Ты же, в угоду этим голодранцам, все прахом пустишь, за что отцы наши, и твой отец, головы свои клали.

РАЗИН. То-то, я гляжу, приветили вы тут голодранцев-то! То-то приветили, приласкали — рожи воротите. На отцов наших не кивай — не тебе равняться с ними. А вы — прихвостни царские стали. Мужика у тебя скоро из-под носа брать будут, вертать помещику... Ты пальцем не пошевелишь. А то и сам свяжешь да отвезешь.

Алена ставит на стол вино.

Разливай! Да вынь руку-то из-под стола, чего ты там? Уж не забыл ли на старости, как креститься надо? Лоб надо крестить-то, лоб, а ты... Грех ведь! Тьфу!

Корней Яковлев берет кувшин, разливает вино по чарам. Но опять вышла заминка — надо брать чары. Все сидят в нерешительности, пряча руки под столом, ближе к оружию. Разин поднимает свою чарку.

РАЗИН. Со свиданьем, казаки! Так зачем вы меня звали?

Разин выкладывает пистоль на стол.

Кладу — вот. Выкладывайте и вы, не бойтесь. Или вы уж совсем отсырели?

Казаки вынимают пистолы, кладут их на стол рядом с собой, берутся за чарки.

Выпьем теперь за вольный Дон — чтоб стоял он и не шатался! Чтоб никогда он не знал изменников поганых!

Казаки выпивают. Корней Яковлев незаметно подмигивает одному казаку. Тот встает и собирается выйти из землянки. Один из сотников Разина останавливает его.

КАЗАК. Посиди.

КОРНЕЙ. Ты с чем приехал, Степан?

РАЗИН. Карать изменников!

Разин толкает ногой стол, стреляет. Начинается рубка, звучат выстрелы. В землянку вбегают казаки Яковлева. Разин пробивается через свалку кулаком, в котором зажат пистоль, к своей сабле.

АЛЕНА. Степан!.. Они же подобру приехали!.. Степушка!..

Алена виснет на шее у Разина. В этот момент атамана бьют сзади чем-то тяжелым по голове. Разин падает, его казаков рубят и вяжут. Корней Яковлев стоит над лежащим Разиным.

КОРНЕЙ. В каждом человеке по два человека сидят, не только в тебе. Я желаю иметь дело с дураками. С умными — редко, по надобности. В тебе тоже два человека сидят: один дурак круглый, другой — добрый казак, умница. И когда я с тобой гутарю, я с дураком гутарю, да так, чтоб умный не подслушал.

СЦЕНА 6. «Сила»

ОТ «АВТОРА»: Мало того, что Степан Тимофеевич — герой. Он герой, чья личная судьба ему не принадлежит, она — достояние народа, гордость народа.

Ведь работала на Руси и такая сила — церковь. Она, расторопная, прокляла Разина еще живого и проклинала еще 250 лет ежегодно, в великий пост. И это прямоком наводит на мысль: как же крепка благодарная память народа, что даже такие мощные удары не смогли пошатнуть ее, не внесли и смятения в душу народную — и образ Степана Тимофеевича живет в ней — родной и понятный.

Казаки с закованным Разиным по дороге Москву расположилась на берегу реки покормить коней. В сторонке от других, ближе к воде сидит Разин, пряча руки промеж ног, чтоб лишний раз не видеть цепь. Входит Фрол Минаев.

ФРОЛ. Степан...

РАЗИН. Ну? Что ж ни разу не подошел поговорить?

ФРОЛ. А чего говорить? Без разговоров все понятно. Чего говорить?

РАЗИН. Тебе, Фрол, — есть чего. Посмейся хоть надо мной. Кто это угостил меня сзади? В землянке-то?.. Не ты? Похоже на тебя.

ФРОЛ. Нет, не я. И не радуюсь я, Степан, нет. Мне жалко тебя. Скажи только: пошто так легко попался? Сам ведь полез... Знал же: конец там тебе, зачем же лез?

РАЗИН. Э, не так все легко, Фрол, как на словах у тебя. «Конец»... Перебей мы вас тогда, в землянке... Не знаю. Не знаю, кто из нас какие слова говорил бы сейчас.

ФРОЛ. Четверо-то — против двенадцати?! Ты что?

РАЗИН. Не знаю, не знаю. Одно знаю: вовремя меня угостили по затылку. Не знаю, куда бы качнулись эти ваши семьсот казаков. Выйди я тада из землянки цел, невредим — поднялась бы у кого рука на меня? А?

ФРОЛ. Не знаю. Как-то... не думал так.

РАЗИН. А я знаю. И ты знаешь: не поднялась бы. Опять хитришь. Все хитришь, Фрол... Вот встал бы я да зыкнул, как бывало... Братцы!..

Разин и в самом деле выкрикивает последнее слово. Казаки вздрагивают и оглядываются, кто-то даже встает. Корней Яковлев спотыкается на ходу. Все некоторое время молчат и смотрят на Разина.

РАЗИН. А-а. А ты говоришь...

ФРОЛ. Зачем все это? Чего ты хотел добиться-то, Степан? Прости меня... не думал спрашивать, а охота.

РАЗИН. Хотел дать людям волю, Фрол. Я не скрытничая, всем говорил.

ФРОЛ. А чего из этого вышло?

РАЗИН. А чего вышло? Я дал волю.

ФРОЛ. Как это?

РАЗИН. Дал волю... Берите!

ФРОЛ. Ты вон сам в цепях! Волю он дал...

РАЗИН. Дал. Опять не поймешь?

ФРОЛ. Не пойму.

РАЗИН. Фрол... Друг... сбей железы. Пока подбегут — успеешь... Вспомни дружбу, Фрол... Сбей, Фрол: улетим, только нас и видали. А? Они, эти-то, не сунутся, Фрол!.. Ослобони только руки — иди тогда, возьми меня! Да они и не сунутся... *(плачет.)* Век не забуду. Неужель тебе бояры московские дороже? Мы уедем... Куда позовешь, туда уедем. С нами опять сила большая будет!..

ФРОЛ. Опять он за силу!.. На кой она тебе?

РАЗИН. Опять не поймешь?

ФРОЛ. Не пойму. *(Уходит.)*

К Разину подходит Корней Яковлев, наблюдавший за разговором в стороне.

КОРНЕЙ. Доигрался? Еще никого из казаков не проклинали. Легко ли?

РАЗИН. Ну, так я тебя проклинаяю. Выбейте мне очи, чтобы я не видел вашего позора.

КОРНЕЙ. За что бы проклинать? Я на церкву руку не подымал, зря не изводил людей. Царю служу, я на то крест целовал.

РАЗИН. Эх, Корней, крестный... Вот закованный я по рукам-ногам, и не на пир ты меня везешь, — а жалко тебя.

КОРНЕЙ. Вон как!

РАЗИН. Жалко. Червем прожил. Помирать будешь, вспомнишь меня. Спомнишь... Я еще раньше к тебе не раз приду — мертвый.

КОРНЕЙ. Ладно. Я — червем, ты — погулял...

РАЗИН. Не в гульбе дело. А то бы я не нашел, где погулять!

КОРНЕЙ. Чего же ты хотел добиться?

РАЗИН. Не поймешь.

КОРНЕЙ. Где нам! Где нам за тобой угнаться. Мы люди малые...

РАЗИН. Подумай: разве ты человек? Да разве человек будет так делать, чтоб ему только одному хорошо было! Ты вот торгуешь Доном... Вольностями нашими. После тебя придут — тоже охота урвать кусок пожирней, — тоже к царю поползут... Гады вы! Змей ты ползучий, и поганый вдобавок. Всю жизнь, как собака, в глаза хозяину своему заглядывал. А доберись я до того хозяина, — он бы сам завыл, как собака.

КОРНЕЙ. Быть было ненастью, да дождь помешал. Смотри, как бы тебе самому не завить там. Там умеют... сок жать.

РАЗИН. Не завою. Не порадуя царя — не дождетесь.

СЦЕНА 8. «Плаха»

Лобное место на Красной (Болотной?) площади. Разин сам, без помощи палача, взбирается на помост. Стоит спиной к залу, лицом к царю, боярам и дьяку. Дьяк начинает вычитывать приговор.

ДЬЯК. Вор и богоотступник и изменник донской казак Стенька Разин! Изменник, зло мысленник, враг и крестопреступник, разбойник, душегубец, человекоубиец, кровопиец...

РАЗИН. Все знают, кто я таков и что делал. Одолели вы меня — ваше счастье, я бы одолел вас — тоже не пощадил бы.

ДЬЯК. ... Вор Стенька со товарищи, забыв страх божий, будучи на Дону...

РАЗИН. Нет больше вольного Дона! Идите спокойно! Все боярство пускай идет — пускай мытарют нас!.. Казаки вам будут сапоги лизать! Мы теперь смиренные. А в дар великому дому пошлем мы от себя... одну штуку... в золотой оправе. Казакам эта штука теперь ни к чему: перевелись мы. А вам-то как раз сгодится: для умножения царского рода!

ДЪЯК... Страх Господа Бога вседержителя презревший и церковь святую возмутивший и обругавший...

РАЗИН. Может, я и многих людей зря погубил, но мой грех — не царский грех, я не против всех! Испытал я счастье вольной жизни, сумею и несчастье стерпеть!

ДЪЯК. ...Тебя от великого государя... указу... четвертовать, казнить злою смертью...

Палач берет Разина за руку, тот отталкивает палача, поворачивается лицом к залу и крестится. Стоя спиной к царю, кланяется на три стороны.

РАЗИН. Прости! Прости! Прости!..

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Батюшка, родимец!

ДЪЯК (*палачу*). Кончай!

СЦЕНА 9. «Во сне и наяву»

ОТ «АВТОРА»: Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру. Уверуй, что все было не зря: наши победы, наши страдания, наши песни, наши сказки, — не отдавай всего этого за понюх табаку.

Царские палаты в Кремле. Царь на троне и бояре. Входит окольничий.

ЦАРЬ. Ну?

Окольничий молчит.

ЦАРЬ. Ну?!

ОКОЛЬНИЧИЙ. Великий государь... Темен твой народ, великий государь! Сказки сочиняет, что будто жив Стенька: спасся от смерти чудом и на Дону войско новое собирает.

Царь вскакивает.

ЦАРЬ. А вы-то чего вообще умеете?! Чего умеете?! Ничего не умеете! (*Садится.*) Ну, и... все, хватит. Кончили с этим.

Неожиданно входит хозяйским шагом Разин. С ним Матвей Иванов и Стырь.

РАЗИН. На карачки! Все! Разом!..

Бояре послушно становятся на четвереньки. Разин проходит к трону, берет царя за бороду, бросает себе под ноги и возит по полу.

Вот тебе, великий! Вот как мы его, великого! Вот он у нас какой, великий!.. Где он великий-то? Затычки делать из таких великих, бочки затыкать. Дурь наша великая сидит тут... расселась... Тьфу!

Разин примеривается, садится на трон, но тут же встает.

Стырь!

СТЫРЬ. Тут, батька!

РАЗИН. Иди садись. В царя игрывал — садись: всех выше теперь будешь.

СТЫРЬ. А чего я там буду?.. Негоже соколу на воронье место.

РАЗИН. Иди, не упирайся, старый!

СТЫРЬ. Да что я там?! Дерьма-то — царем. Я и не хотел сроду... Я так зубоскалил.

РАЗИН. Не робей, тут — мягко, хорошо.

СТЫРЬ. Неохота мне там.

Стырь пинает лежащего царя, но к трону не идет. Разин садится обратно.

РАЗИН. Ну, не хочешь — как хочешь.

СТЫРЬ. Кварту сивухи! А чего с боярами будем делать, батька?

РАЗИН. Всех повесить и — вниз по Волге. Всех! (*Матвею.*) Ну вот, вот сел я на Москве царем. Сел. А тебя сделал патриархом...

МАТВЕЙ. Ну, и чего мы с тобой будем делать?

РАЗИН. Ну, сам и подумай.

МАТВЕЙ. Хм... Править станем.

РАЗИН. Как?

МАТВЕЙ. По совести.

РАЗИН. Да ведь и все вроде правят по совести. И бояры вон — тоже говорят, что по совести.

МАТВЕЙ. Они говорят, а мы — сделаем. Я уж не знаю, какой из меня патриарх, но из тебя, батька, царь выйдет. Это я тебе могу заране сказать.

РАЗИН. Откуда ты знаешь?

МАТВЕЙ. Знаю... Я мужика знаю, сам мужик. Знаю, какой нам царь нужен.

РАЗИН. Какой же?

МАТВЕЙ. А мужицкий.

РАЗИН. Ну, заладил: мужицкий, мужицкий... Я сам знаю, что не боярский. А какой он, мужицкий-то?

МАТВЕЙ. Да тут все и сказано: мужицкий. Чего тут гадать?

Разин смотрит на Стыря негромко запекает.

РАЗИН. Ох, матушка, не могу,
Родимая, не могу...

СТЫРЬ. Сял комарик на ногу,
на ногу, ногу, ногу!

Поют серьезно и не грустно. Входят скоморохи.

ВСЕ ХОРОМ.

Ой, ноженьку отдал,
Ой, ноженьку отдал,
Отдал, отдал,
Отдал, дал, дал...

Подай, мати, косаря,
Подай, мати, косаря,
Косаря, косаря,
Косаря, саря, саря!

Рубить, ка'знить комара,
Рубить, ка'знить комара,
Комара, комара,
Комара, мара, мара!

Отлетела голова,
Отлетела голова,
Голова, голова,
Голова, лова, лова!..

Скоморохи пляшут. Все пляшут.

СЦЕНА 10. КАЗНЬ

От АВТОРА

Разин сам, без помощи палачей, взошел на высокий помост лобного места. Повернулся к храму Василия Блаженного, перекрестился на цветные купола. Потом поклонился на три стороны народу, трижды сказал «Простите!». К нему подступили, уронили спиной на два

бруса, в тишине звонко стукнул топор. Отпала правая рука по локоть. Степан не издал ни звука, только покосился на отрубленную руку. Палач опять взмахнул топором – отвалилась левая нога по колено. Сверкнуло лезвие топора и отпала правая нога. Палач рубил еще дважды, левую руку, голову. Тихо было на площади, только бабы тихонько подвывали да шумно вздыхали мужики. Многие плакали. Расходились по домам тихо, чтобы еще засветло помянуть Степана, выпить за светлую память бунтовщика и народного заступника. Крепко выпили в тот день на помин души Степана Разина, память в народе до сих пор жива.